

&психологический триллер&

ЭКСПЕРИМЕНТ
СЛУХИ

Михаэль Фартуш

Михаэль Фартуш
Эксперимент Селина

«Издательские решения»

Фартуш М.

Эксперимент Селина / М. Фартуш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837923-9

В связи с тем, что с началом учебного года стали действовать новые правила оплаты за общежитие, студент Вадим решает принять участие в эксперименте, организованном профессором психиатрии Селиным.

ISBN 978-5-44-837923-9

© Фартуш М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эксперимент Селина

Михаэль Фартуш

Дизайнер обложки Михаэль Фартуш

© Михаэль Фартуш, 2017

© Михаэль Фартуш, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7923-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тротуар,

ступеньки,

закрытая снаружи дверь подъезда,

светящиеся по вечерам окна домов.

За каждым из них скрываются тайны, драматические эпизоды, трагические поступки.

И снова тротуар,

ступеньки,

одинокий светофор, моргающий зелёным огоньком.

И двери, двери, двери.

Множество дверей разной формы и цвета.

Деревянные и металлические, разных оттенков, красивые и не очень, новые и старые, имеющие родной запах и совсем чуждые.

Двери, двери, двери.

Через них можно войти в другой мир, другое измерение, другую реальность. А можно выйти, уйти, потеряться в этом огромном мире и не вернуться. Уйти навсегда.

Вы никогда не задумывались, что человек подобен двери. Некоторые открыты нараспашку и рады всем вошедшим. Другие же постоянно закрыты и через них никто не проходит. Одни очень важные, массивные и не любят суеты. Другие, наоборот, рады, когда вокруг них бурлит жизнь. Есть такие, которые открываются тихо, а есть шумные, скрипучие. У каждого из нас существуют двери, через которые мы проходим с радостью и они наш источник вдохновения и любви. Но есть двери, переступить порог которых для нас сущая мука.

Двери, двери, двери...

Люди, люди, люди...

У каждого из нас свой характер, своя индивидуальность. Мы по-разному поступаем в схожих ситуациях, по-разному реагируем на проблемы, индивидуально проявляем чувства, совсем непохоже разговариваем, смеёмся, плачем. Но, главное, большинство из нас адекватно воспринимает свою личность, свои слабые и сильные черты и своё место в этом мире, наполненном такими разными индивидами. Мы справляемся с профессиональными обязанностями, оберегаем отношения, гордимся и любим своих детей, поддерживаем дружбу, стремимся к совершенству. Мы такие разные, но такие похожие.

Но существуют люди, которые не вписываются в общепринятые нормы. Они совсем непохожи на нас. Они другие, они не могут нормально существовать с нами и живут своей жизнью. Где же та грань, которая отличает таких людей от нас. Где та граница, которая разделяет психически больных людей от здоровых. Почему общаясь с человеком, мы не можем сразу определить, что перед нами человек с нарушенной психикой, который является потенциальным насильником, убийцей, террористом? Почему мы не можем заранее

вычислить карьериста и интригана, который не остановится ни перед чем для достижения своей сомнительной цели? Почему мы восхищаемся показным артистизмом, вычурной интеллигентностью, высокими манерами человека, который может тайком обидеть ребёнка, накричать на старика, ударить жену? Почему мы не верим человеку с откровенными суицидальными намерениями, человеку, который не может самостоятельно справиться со своими проблемами? Мы игнорируем людей, постоянно жалующихся на свою жизнь, считающих себя неудачниками и людьми второго сорта.

Сколько разных дверей.

Сколько разных людей.

Раньше таких называли «душевнобольными». Люди с больной душой, не правда звучит красиво и одновременно пугающе. Но ни один врач не мог точно определить, где находится такой орган-душа. А существует ли он вообще? Может это всё выдумка философов и мыслителей. Ведь, если Бог всех создал по одному подобию, то и животные подвергались бы таким болезням. Человечество переосмыслило своё отношение к таким людям. Теперь психиатры говорят не о болезни, а об отклонении личности, патологии характера. Отлично! Но главная проблема осталась. Как отличить здорового человека от больного, ведь явных симптомов болезни может и не быть? Если человек ни на что не жалуется или откровенно что-то скрывает, определить психически здоровый он или нет, не представляется возможным.

Гротуар,

ступеньки,

закрытая снаружи дверь подъезда,

море-море огней в окнах,

одиноким стоящий фонарь

и человек, уныло бродящий по ночному городу.

Кто ты, одинокий путник, заблудившийся в лабиринтах улиц большого города? С какими намерениями ты пришёл в эту жизнь? Нормальный ли ты человек, способный приносить радость, вдохновение и удачу. Или ты хочешь разрушить чью-то жизнь, стать непреодолимой преградой чуждому счастью. Открой своё лицо! Не надо прятаться за закрытой дверью.

И снова двери, двери, двери.

Большие и маленькие, красивые и не очень.

И люди, совсем непохожие друг на друга.

Светофор,

ступеньки,

окна домов

и гнетущая тишина, парализующая просторы вселенной. На некоторые вопросы человечество пока не способно дать ответ. Но это пока.

Глава 1

К стойке регистратуры гостиницы «Восток» неспешно подошёл пожилой человек и спросил:

– Скажите, здесь регистрируют участников медицинского симпозиума?

Миловидная девушка за стойкой с интересом посмотрела на нового посетителя и, дежурно улыбнувшись, прошептала:

– Это здесь. Давайте свой паспорт.

Когда просьба была выполнена, служащая гостиницы, обратилась к ещё одной девушке, сидящей за её спиной:

– Тома, проверь, Селин Михаил Наумович.

Вторая девушка быстро набрала что-то на клавиатуре и через секунду выпалила:

– Есть. Врач-психиатр из Новосибирска. Комната номер 623.

Паспорт вернули, и пока девушка делала электронный ключ, Михаил Наумович взволнованно спросил:

– И долго этот симпозиум продлится?

– А вам разве не сообщили? – удивлённо вскинула брови служащая. – Три дня, включая сегодня. Кстати, не забудьте, в три часа общее собрание. А вечером банкет в ресторане «Ран-деву». Это недалеко отсюда. Пятнадцать минут пешком. Но, если вам тяжело ходить, то будет организована подвозка. У вас в номере есть вся информация о симпозиуме. Возьмите, это ваш ключ. Вот так вставляете его в ячейку на двери и, когда загорается зелёный, вынимаете.

Селин взял ключ, неуверенно потоптался на месте и не спешил уходить.

– Вы что-то ещё хотели? – снова улынулась девушка.

– А можно не участвовать в симпозиуме? – нерешительно спросил врач.

– То есть, как? – удивилась служащая и переглянулась со своей коллегой.

– Я зарегистрировался, а дальше никто проверять не будет, присутствую я на сборах или нет, – пояснил врач.

– Вы, что, мужчина, – улыбка исчезла с лица девушки. – Это же вам не частная лавочка, а серьёзный международный симпозиум. Это, вообще, большая честь участвовать в таком мероприятии. Тем более, завтра уже будут заседать профильные комиссии. Вы разве не будете выступать с докладом?

– Нет. Поэтому моего отсутствия никто не заметит.

Девушки снова переглянулись.

– Михаил Наумович, – официально обратилась служащая. – Если у вас какая-то серьёзная причина, то можете обратиться к организаторам. Я сейчас дам их телефоны.

– Не надо, – махнул рукой Селин и добавил задумчиво. У меня нет серьёзных причин. Просто у меня пациенты.

– У всех пациенты, – хмыкнула недовольно девушка. – Вот приехали с Бельгии нейрохирурги. Отложили все свои операции. А многие из них очень срочные и дело касается жизни или смерти. Или вот группа врачей-педиатров из Польши, занимающаяся проблемами онкологии у детей. Или вы считаете, что ваши пациенты намного важнее. Они же не смертельно больны и им не угрожает опасность.

– Дело в том, – врач пытался подобрать слова, но не найдя их выпалил на одном дыхании. – Один из моих пациентов – здоров, но...

– Тем более, – вскрикнула девушка, перебив мужчину. – Раз он здоров, то незачем так беспокоиться.

– Понимаете, тут дело в другом, – растерянно пробормотал Селин, но, увидев равнодушное и ироничное лицо собеседницы, замолчал и, махнув рукой, удалился.

– Что им можно объяснить, – сокрушался про себя Михаил. – У них на лице написан не слишком большой интеллект и все их желания и потребности, это поскорее выскочить замуж за какого-нибудь богатенького джентльмена.

– Странный он какой-то, – усмехнулась Тамара. – На врача не похож, скорее на своих пациентов.

– Что ты хочешь? С кем поведёшься, – засмеялась её коллега. – Все эти психиатры какие-то странные и непонятные.

– Тупые курицы, – злился на девушек Селин, непонятно за что, по дороге к лифту. – А я им пытался что-то объяснить. Вот, возьму сейчас и уеду обратно домой. И никто меня не остановит. Только с ключом, что делать? Да и номер нужно будет сдать в конце. Не хочется нарываться на неприятности. И что же делать? Завтра ведь последний день.

В номере было чисто и уютно. Михаил бросил чемодан в специально отведённое место, а сам лёг поперёк большой кровати. Нехорошие мысли одолевали его.

– Ведь кто же знал, что из всех участвующих в эксперименте, один окажется действительно душевнобольным. Как же я мог его проморгать? А ведь это лишний раз подтверждает правильность моих рассуждений. Эксперимент дал положительный результат. Но осталась одна не решённая дилемма.

Селин соскочил с кровати, бросился к чемодану и достал оттуда увесистую тетрадь. Это был дневник. Врач начал заполнять его, как только окончил мединститут. Со временем заполненные тетради прятались в шкаф и уступали место всё новым и новым. Он обязательно напишет книгу на основании этих записей. Ведь там описаны практически все интересные случаи его врачебной практики. А вот и нужная страница.

«...Никакими современными методами диагностики не удастся установить, является ли перед вами психически здоровый человек или душевно больной. Современная психиатрия, прошедшая в своём развитии немало подъёмов, открытий, усовершенствований и прорывов, до сих пор в вопросах диагностики находится в зародышевом состоянии. И причина этого кроется в самой природе человека, в слабой изученности структуры его мозга и тех процессов, которые происходят в нём. Вот поэтому, рядом с нами живут, работают, учатся, отдыхают люди, которые должны быть изолированы, так как представляют потенциальную опасность для себя и окружающих. И, наоборот, в психиатрических больницах находится много пациентов, которые вполне бы могли вести полноценную и здоровую жизнь на свободе, не причиняя вреда ни себе, ни остальным. Я – профессор психиатрии с почти сорокалетним стажем, руководитель кафедры психиатрии Новосибирской Государственной Медицинской Академии, действующий член Академии Наук России и практикующий врач-психиатр, решил провести необычный эксперимент, чтобы подтвердить свою гипотезу. Итак, сегодня 28 августа, я и группа моих единомышленников начинаем подготовку к эксперименту. Отбор кандидатов, их проверку и обучение, совместно со мной, будет осуществлять моя коллега и помощник, врач-психиатр Фурман Елена. Всю документацию будет вести врач-интерн, моя перспективная ученица Сорокина Ирина. Бухгалтерскими и финансовыми вопросами будет заниматься выпускница финансово-экономического колледжа Бондарь Наташа. Правовые и юридические вопросы будет решать адвокат Абрамов Павел. И, наконец, спонсором этого эксперимента согласился стать мой очень хороший приятель, бизнесмен Бездомов Виталий...».

Михаил прекратил читать, отложил в сторону тетрадь и, как будто что-то вспомнил, схватил мобильный телефон.

– Так-так. И что же нам скажет Павел? – врач стал разговаривать сам с собой. – Может быть ситуация прояснилась.

Абрамов уж очень долго не отвечал. Селин начал нервничать. И уже, когда вот-вот гудки должны были прекратиться, трубка вдруг издала звук.

– Что ж ты так долго не отвечаешь? – выдохнул с облегчением Михаил. – Я тут, как на иголках, места себе не нахожу.

– Не волнуйтесь вы так, – успокоили на другом конце провода. – Никакой катастрофы нет. У нас есть ещё месяц. В договоре прописаны форс-мажорные обстоятельства.

– И что ты имеешь в виду под форс-мажорными обстоятельствами? – не успокаивался Селин. – Ведь не было же никаких землетрясений, терактов, войну нам никто не объявлял.

– Можно устроить пожар в вашем офисе, – на полном серьёзе посоветовал Павел. – Это и есть форс-мажор.

– Ты с ума сошёл! – воскликнул Михаил. – Ещё в какую аферу ты меня вовлечёшь?

– Тогда будем защищаться в суде, ничего другого я не вижу, – Павел был уж очень спокоен. – У меня есть несколько вариантов защиты в случае, если на нас подадут в суд. Хотя вряд ли потерпевший подаст на нас в суд из психиатрической больницы.

– Не мели чушь. Он это сделает, как только выпишется. Или это могут сделать его родственники. Известно ли тебе, сколько нам будет стоить каждый просроченный день?

– Конечно, известно. Я только удивляюсь, зачем вы внесли такую сумму? Это очень неосмотрительно.

Михаил и сам понимал, что погорячился, составляя этот контракт. Но после драки кулаками не машут.

– Я же был уверен на сто процентов, что ничего экстраординарного не произойдёт, – размышлял Селин, закончив разговор с адвокатом. – Как же этот Вит мог меня обвести вокруг пальца. Меня, человека с многолетним опытом, который почти никогда не ошибался.

Михаил ещё немного походил по комнате. Его совсем не волновало, какой прекрасный вид открывается из окна его номера, совсем не волновало, какие удобства находятся в гостинице. Его мысли были заняты только тем, как соблюсти условия контракта и не попасться на крючок финансовых проблем.

Через некоторое время, Селин снова схватил свой мобильный. На другом конце ответили сразу же.

– Доброе утро, Михаил Наумович, – зашебетал в трубке приятный женский голос. – Как добрались?

– Какое доброе утро? – недовольно пробурчал профессор. – Уже время обеда. И совсем недоброе было это утро. Лена, я не смогу приехать. Нужны серьёзные причины, чтобы отпроситься. Не могу же я распространяться об эксперименте раньше времени. Да, и они все не поймут, в чём дело? Что нового? Абрамов тут лепил мне насчёт пожара в офисе. С тобой он тоже разговаривал на эту тему?

– Так он, наверное, шутит, – улыбнулась Фурман. – Мне он ничего такого не предлагал.

– Хороши шутки. Может он захочет заплатить неустойку со своего кармана. Бездомов не согласится платить сверх того, что прописано в договоре. Это наша ошибка и решать её придется нам с тобой.

– Да уж, за двоих немалая сумма может набежать, – озабоченно проговорила Елена.

– Нет, нет, Вита мы в расчёт брать не будем, – заявил Селин. – Подписывая документы, он подтверждал, что является здоровым, и никаких подозрительных симптомов у него нет. Он сознательно ввёл нас в заблуждение, скрыв то, что он, иногда, слышит «голоса». Этим он нарушил договор, который мы можем без последствий аннулировать. Меня волнует Петришин. И, если завтра его не выпишут с пометкой «здоров», то у нас будут серьёзные проблемы.

– А почему бы нам не сделать то же самое и в отношении Петришина? – спросила Фурман. – И проблема будет решена.

– Так ведь он же здоров, – воскликнул Михаил. – Как я могу пойти на это. Мы же врачи, дающие клятву Гиппократу, где главное – не навреди. Как я буду смотреть в глаза коллегам после этого.

– Просто врачебная ошибка, – стояла на своём Елена.

– Он потом через суд за эту врачебную ошибку столько денег с нас вытянет, что мама не горюй. – Селин соскочил с кровати и стал нервно прохаживаться по комнате. – Я не хочу портить парню жизнь. И буду добиваться его выписки. Пусть это и произойдёт значительно позже.

Слова коллеги всё-таки заставили профессора немного задуматься.

– Петришина, конечно, жаль, но в больнице его будут держать до тех пор, пока я не докажу местным эскулапам, что они ошиблись. А ведь это может тянуться месяцами. Ведь, несмотря на мой авторитет, врачи неохотно признают свои ошибки. С Витом же я ошибся. Теперь они на это будут давить. Вот, смотрите, Селин тоже не всегда может поставить верный диагноз. А главврач там ушлый такой мужичонка, имеющий какие-то знакомства в Министерстве. Моё слово против него. Неизвестно, кто победит? А в противном случае, два врача-психиатра против пациента. И у Петришина не будет шансов. Его, конечно, через какое-то время выпишут, но пятно психбольного останется на всю жизнь. Нет, не могу я так поступить. Меня совесть замучает.

Профессор глянул на часы. Начало второго. Что там говорили насчёт обеда?

На тумбочке лежал лист с информацией. Селин бегло пробежал его глазами. Так и есть, уже можно спускаться вниз и пообедать. На банкет он не пойдёт, лучше прогуляется по городу. А вот общее собрание пропустить нельзя. Наверняка, там проведут переключку, чтобы проверить все ли приехали.

Михаил разложил вещи в шкаф, умылся, взял с собой бумажник и документы, и пошёл к лифту.

Обед Селину не понравился. Видимо, находясь в стрессовом состоянии, организму было не до гастрономических изысков. Возвращаясь в номер, профессор лоб в лоб столкнулся с мужчиной, лицо которого было уж очень знакомым.

– Здравствуйте, Михаил Наумович, – широко улыбнулся незнакомец.

Селин недоумённо посмотрел на мужчину.

– Не узнаёте. Я, Бугаев Василий, 20 лет назад я был вашим студентом.

Бугаев! Как же Селин мог запомнить одного из лучших своих студентов. А ведь он всегда уделял повышенное внимание и помощь таким. За свою фамилию Василий в кругах студенчества получил кличку «Бугай», хотя ничего «бугайского» в его внешности не было: среднее телосложение, средний рост. Кажется, отец Василия тоже был психиатром и сумел заразить этой областью медицины и сына.

– Здравствуй, Василий, – подал руку для приветствия Селин. – За двадцать лет ты очень изменился. Извини, сразу не узнал. Тебя тоже пригласили на симпозиум? Очень рад. И где ты сейчас работаешь?

– У меня в окрестностях Гамбурга своя клиника на сорок человек.

– Ничего себе, – то ли с завистью, то ли с восхищением воскликнул профессор. – А почему в Германии, а не на родине. Здесь же тоже огромный контингент страждущих.

– На родине как-то не получилось, – пожал плечами Василий. – Очень много денег нужно. В Германии с этим проще. Вот через пару лет думаю расширяться.

– Молодец. Приглашение на этот симпозиум – это признание твоих заслуг в медицине. Имеешь какие-то перспективные разработки и нововведения?

– Да. Есть кое-что, – скромно ответил Бугаев. – Применение ультразвуковых волн при лечении эпилепсии.

– Вот как! Очень интересно! И есть положительная динамика.

– Да. Хотя исследования ещё не закончены. Но период ремиссии увеличивается.

– И как же ты определяешь период ремиссии, ведь у разных больных он отличается. И вообще, нет никаких прогнозов, когда начнётся очередной приступ.

– Я завтра буду выступать с докладом. Очень хочу, чтобы вы послушали меня.

– Конечно, конечно, Василий. Ты меня очень заинтересовал.

– Какой же я лицемер, – подумал Селин. – У меня своих проблем выше крыши и его доклад абсолютно мне не нужен. Всё это чепуха. Я-то понимаю, что его разработки не имеют научного интереса. А жаль, такой перспективный студент был. Сейчас я его проверю на «вши-вость».

– Вот скажи, Василий, как коллега коллеге, что будешь делать, если вдруг ты поставил неверный диагноз и отправил в клинику совершенно здорового человека?

– У нас такого не бывает, – пожал плечами Бугаев. – Любой диагноз проверяется несколькими психиатрами, а уж потом человека с согласия родственников помещают на лечение. Вероятность того, что ко мне в клинику попадёт такой пациент, очень мала.

– И всё-таки, – наседали на своего ученика профессор. – К тебе привезли больного, ты поставил ему диагноз, а потом оказалось, что все твои коллеги и ты, в том числе, ошиблись. Что будешь делать с таким пациентом?

Василий недоумённо посмотрел на Селина, всем своим видом показывая, что разговор ему не очень приятен, но, немного подумав, ответил:

– Я его незамедлительно выпишу, принесу извинения и договорюсь с ним о компенсации, если он вдруг надумает подать на меня в суд. А вы намекаете на то, что я могу поставить неверный диагноз. И, видимо, сомневаетесь в моих профессиональных качествах.

– Ни в коем случае, – замахал руками Михаил. – Я уверен, что ты очень хороший психиатр. Но ни один врач в мире не способен точно определить, где психически больной, а где здоровый человек. Ты со мной согласен? И чего мы стоим посреди прохода. Давай пройдем в лобби и там продолжим наш разговор.

По выражению лица Бугаева было видно, что он уже сожалеет, что завёл разговор с Селиным. Профессор так и прошёл бы мимо, не узнав его. А сейчас он ставит такие каверзные вопросы, что пора бы уже подумать о проверке его психического здоровья.

– Так ты согласен со мной или нет? – снова спросил Михаил, удобно расположившись на диване в вестибюле.

– Смотрите, если у человека периодически происходят эпилептические припадки, то ошибиться невозможно, – ответил Василий, отведя глаза.

– Я об других психических расстройствах и синдромах. Вот как ты диагностируешь то или иное психическое отклонение от нормы.

– Это очень сложный вопрос. Смотря, какими критериями руководствоваться при определении психического расстройства. Ведь тут важно рассматривать этот термин с разных точек зрения и стараться сразу же исключить отрицательные стороны личности или черты характера.

– Молодец, Василий, – радостно вскрикнул профессор. – К тебе на приём пришли два пациента с одинаковой проблемой. Оба очень застенчивы, тяжело контактируют с незнакомыми людьми, оба молчаливы и замкнуты. В связи с этим возникают проблемы на работе, не могут наладить отношения с женщинами, не имеют друзей. Но один из них родился таким, а другой всё это приобрёл в результате травмирующих факторов. Для первого такое состояние естественно, и он испытывает минимальный дискомфорт. Он родился с этим и ничего другого в своей жизни не испытывал, он считает своё состояние нормальным, хотя и хочет что-либо изменить. Согласись, такому пациенту психиатр не нужен, ему нужен хороший психолог. А вот второй... Он страдает от своей проблемы, ведь помнит себя совсем другим и это влечёт за собой изменения в сфере чувств, мышления и поведения. Такое состояние причиняет ему душевные муки. И чем дольше длится такое состояние, тем большая вероятность для него стать нашим пациентом. Так как же ты всё-таки определишь, кому из них нужно лечение, а кому нет. Ведь первый же здоров, а вот у второго есть психическое отклонение.

– Есть множество тестов для предварительной диагностики психических отклонений, – ответил Бугаев после некоторого раздумья. – Шкала Занга для самооценки депрессии или тревоги, шкала Йеля-Брауна для диагностики невроза навязчивых состояний...

– Не стоит мне их перечислять, – перебил своего собеседника Селин. – Я знаю все эти вопросники не хуже тебя. Все они субъективны и их результаты зависят от честности и открытости самого испытуемого.

– Я вас не понимаю, – пожал плечами Василий. – Психиатры доверяют этим тестам и давно пользуются ими. Они неплохо зарекомендовали себя.

– Что ж тут такого сложного, – повысил голос профессор. – Если человек хочет скрыть своё заболевание, то и отвечать он будет так, как ему выгодно. И, наоборот, любой симулянт, согласно результатам этих тестов, станет больным.

– Есть и современные методы диагностики, – возразил Бугаев, нервно теребя ремень на своих брюках. – Компьютерная томография мозга, например, или магнитно-резонансная томография.

– Умный ты мужик, Василий, – похвалил оппонента Селин и даже похлопал его по плечу. – Но, что можно выяснить с помощью этих методов. Только опухоль или травму головного мозга. Но совсем невозможно определить, какие процессы происходят там. А процессы там, безусловно, очень сложные.

– Я понимаю, на что вы намекаете, – сообразил наконец-то Бугаев. – Вы хотите сказать о невозможности точно диагностировать какое-нибудь психическое отклонение.

– Именно так! – воскликнул радостно Михаил. – Ты согласен со мной?

– Отчасти, да, – ответил Василий и посмотрел на часы. – А к чему вы вообще завели этот разговор? У вас разве есть пациенты, в психическом здоровье которых вы сомневаетесь?

– Я уверен, что они есть у каждого психиатра, – профессор тоже мельком глянул на часы и соскочил с места. – Через полчаса начнётся заседание. Извини, но у меня есть неотложные дела. Очень рад был встретиться с тобой и поговорить. А не подскажешь, где мы будем заседать?

– Так это в конференц-зале, прямо по коридору, – в голосе Бугаева звучали радостные нотки, наконец-то этот занудный профессор закончил свой допрос. – Да, да, по этому коридору, вторая дверь справа.

В номере Селин снова достал свой дневник и продолжил чтение. Ему нужно было разобраться во всём. Дома он снова посмотрит все видео и аудиозаписи, подымет всю документацию, дабы выяснить, где же он допустил ошибку. Но сейчас с ним есть только его дневник.

«... суть эксперимента заключается в том, что мы отберём добровольцев из числа жителей города обоего пола, проверим их на отсутствие каких-либо психических отклонений и проблем. Далее проведём с ними обучение симуляции тех или иных симптомов известных психических расстройств и направим с сопроводительными документами в различные медицинские учреждения города Новосибирска и области, а именно:

Государственная Новосибирская клиническая психиатрическая больница N 3.

Областная психиатрическая больница специализированного типа N 6.

Каменский психоневрологический интернат.

Обской психоневрологический интернат.

Новосибирская областная психиатрическая больница N 2.

Частная медицинская клиника психиатрической помощи «Август».

Во все вышеперечисленные учреждения, будут направлены два человека, по одному в женское и мужское отделение, соответственно. В клинику «Август», где нет женского отделения, будут направлены двое мужчин...»

Стоп! Селин отложил тетрадь в сторону. Вот и первая ошибка. Не нужно было отправлять двух людей в одно и то же отделение. Почему же раньше он об этом не догадался? И главное, Елена ему не подсказала. А ведь имеет же немалый опыт в этих делах.

«...по нашему предположению, во всех клиниках подтвердят поставленный нами диагноз и назначат лечение. Через месяц после помещения наших добровольцев в больницы, мы начнём процедуру их возвращения, которая, по нашим оценкам, может занять от двух недель до месяца. На всех этапах проведения эксперимента будет вестись видео и аудиозапись, а также заполняться юридические документы. Участие в эксперименте добровольное. После его окончания участники получают определённую сумму денег, предусмотренную договором...»

Пора идти на конференцию. Селин отложил дневник в сторону и тяжело вздохнул: как же он не любит эти мероприятия.

Длинный коридор гостиницы, по обе стороны которого множество дверей в номера. Двери одинаковые, стандартные, ничем не примечательные. Они становятся родными и близкими только на несколько дней. А потом снова чужие, холодные, неудобные.

*Люстра,
ковролин на полу,
система пожаротушения.*

По коридору идёт пожилой мужчина, низко опустивший голову и погружённый в размышления.

*Лифт,
снова люстра,
опять множество дверей.*

Может, мужчина заблудился и не может найти выход. Действительно, он заблудился, но не в лабиринтах коридоров и дверей, он заблудился в собственных мыслях. Тяжёлых, удручающих, неприятных.

*Коридор,
люстра,
система пожаротушения.
И двери, двери, двери.*

Глава 2

Уже несколько ночей Петришину Вадиму снился один и тот же сон. Он понимал, что эксперимент пошёл не так, как предполагалось. За последние несколько дней, Селин приезжал в клинику два раза и уезжал очень огорчённым и грустным. И, самое главное, он почему-то не отвечал на телефонные звонки, а ведь Петришину очень хотелось узнать, когда уже его, наконец выпишут. Неопределённость достигла своего апогея, результатом которого стали его кошмарные сны.

Обнаружив, что дверь в отделении не заперта, Вадим ночью пробирался к этой двери и выходил наружу. Далее он проходил к калитке, ограждающей внутренний двор отделения от улицы. Эта калитка была заперта, и днём там кто-нибудь всегда дежурил. Но ночью... Можно перелезть через неё и оказаться на свободе. Вадим так и хотел сделать. Но едва он попытался осуществить свои планы, как откуда ни возьмись, возникал огромного роста санитар.

– На свободу захотелось, – громогласно засмеялся санитар. – Не рано ли. Тебя ведь ещё не вылечили.

– Я здоров, – пытался оправдаться Петришин. – Я здесь по ошибке.

Санитар казался неестественно большого роста. Подняв голову, Вадим едва различал его лицо. Он был похож на небоскрёб, разрезая своей макушкой облака.

И Вадиму вдруг стало очень страшно. Заплакав, он просил оставить его в покое и отпустить. Но для великана его слова ничего не значили. Он ещё раз рассмеялся в лицо пациента и, дыхнув чем-то зловонным, прошептал:

– Сгниёшь тут, но никто тебя не выпустит.

Лицо санитаря было очень ужасным и пугающим. Оскалив два нижних клыка, которые были похожи на клыки саблезубого тигра, санитар рассмеялся и зло прошипел:

– Пошёл назад в палату.

Петришин смотрел на великана снизу вверх и весь сжался от страха. Громадные кулаки санитаря больше напоминали кувалду и были готовы в любой момент наказать за непослушание. От ужаса Вадима парализовало, и он замер в одной и той же позе. Это очень разозлило санитаря. Он схватил за шиворот пациента, поднял его на несколько метров над землёй, а потом с силой швырнул в сторону входной двери. Вадим вскрикнул от неожиданности и страха и просыпался ещё до столкновения с закрытой дверью.

После этого сновидения, Петришин не мог долго заснуть и тоскливо смотрел то на потолок, то на мирно спящих своих соседей по палате. Слева размещалась кровать Саши Евдокимова, он был на пару лет старше Вадима. Довольно интересный, высокого роста молодой человек сразу же понравился Петришину и они очень быстро подружились. Сашка был вполне нормальным, с ним можно было поболтать на разные темы, он был начитанным и интеллигентным, но... Иногда он начинал нести такую чушь, что было понятно, за какие проблемы его держат здесь. То он по секрету признавался Вадиму, что является посланником инопланетян и у него на Земле особая миссия. Какая именно, Евдокимов не уточнял, но утверждал, что она близка к завершению и он в скором времени вернётся к своим соотечественникам. Иногда он рассказывал, что является великим учёным, который разработал вакцину от всех болезней, но западные спецслужбы похитили его, долго пытали и вынудили всё им рассказать. А потом сделали ему какой-то укол и поместили сюда. Но самым интересным был рассказ о том, что на самом деле ему уже более трёхсот лет и он великий маг и волшебник, способный путешествовать во времени. К счастью, такие приступы длились недолго и не приносили никакого вреда ни ему, ни его слушателям.

Справа находился мужчина лет пятидесяти с обильной растительностью на лице. К сожалению, больше о нём рассказать нечего. Говорят, что у него есть семья, дети и его периодически выписывают на пару месяцев, а потом снова закрывают. Выяснить что-либо у него невозможно. Он молчалив, замкнут и почти не реагирует на окружающий мир. Во время приёма пищи он «зависает» с ложкой у рта и долго, задумчиво её рассматривает. Неудивительно, что его не любят санитары. Кому охота, как младенца, кормить его с ложечки. А ещё он храпит во сне, чем вызывает недовольство соседей по палате. Его уже несколько раз переводили из одной палаты в другую.

А ещё дальше справа спит солдат – срочник. Парня поместили в частную клинику, где лечение в принципе не бесплатное потому, что его отец крупный чиновник в городе. Боря, так звали солдата, совсем не планировал служить. Но его отцу, для продолжения карьеры, это было очень необходимо. И хотя служил Боря при штабе, в своём родном городе, и каждые выходные ночевал дома, но всё-таки ему подвернулся случай «откосить» от армии. По дороге домой его сбила машина, так совсем чуть-чуть. Все кости остались целы. Но парень, когда падал, немного ударился об асфальт. Рассказывали, что когда его привезли в клинику, он был чрезмерно возбуждён, постоянно скакал на месте и махал руками, потом стал хрюкать, как свинья, лаять, как собака и ещё имитировать звуки, издаваемые десятком других представителей животного мира. Вадим, обученный Селиным, понимал, что Боря просто дурачится. Никак его поведение не подходило ни под один симптом психического отклонения. Раскусил Борю и главврач, и другие врачи-психиатры. Видимо, это же понял и его отец. Он строго настрого запретил комиссовать парня и держать его в клинике до тех пор, пока тот не «выздоровеет». Боря был упрямым и на протяжении нескольких месяцев «гнул» свою линию. Но в последнее время немного образумился, видимо, имел очень серьёзный разговор с отцом, и его перевели из наблюдательной палаты в общую. Вадим пробовал, было разговорить своего нового соседа, но эта попытка окончилась неудачей. Боря ничего не захотел рассказывать.

Вадим повернулся сначала на один бок, потом на второй. Как же ему надоела эта неудобная и жёсткая постель, этот казённый запах сырости, гнетущая атмосфера оторванности от реального мира. И хотя к нему относились здесь хорошо, молодого человека тянуло домой, вернее в «общагу», где его уже ждался лучший друг и одноклассник Санька, с которым они были, как братья.

Прошёл месяц эксперимента, заканчивался уже второй, в течение которого его должны были выписать, но он по-прежнему находился в этих стенах. И, если Селин не отвечал на телефонные звонки, то Ира, которая занималась документацией этого проекта, и с которой он подружился при подготовке к нему, по большому секрету поведала пару дней назад, что все участники уже вернулись домой и получили причитающиеся им деньги. Остался только он и Вит.

– Что-то не так с этой клиникой, – думал Петришин, совсем не догадываясь, что причина кроется совсем в другом.

С Витом он немного общался. И если участники эксперимента до направления в больницы никогда не видели друг друга, то уже в клинике очень быстро «вычислили» друг друга. Хотя Селин и утверждал, что это в принципе невозможно. В других больницах может и невозможно, но «Август» – маленькая клиника и все у всех на виду.

Плохо спал этой ночью и сам профессор. Находясь в тысячи километров от своих пациентов, Михаил очень чётко улавливал их настроение и мысли. Он ненавидел Вита за то, что тот решил его обмануть и очень сочувствовал и жалел Петришина, который стал невинной жертвой сложившихся обстоятельств.

– Не повезло парню, – сокрушенно качал головой Селин. – На его месте мог быть кто угодно, но стал почему-то он.

Признаться честно, Вадим был одним из самых любимых профессором добровольцев. Он понравился Михаилу сразу, так как очень напоминал самого Селина в молодости. И внешне, и по характеру. Честность, порядочность, скромность и доброта – эти качества уважал профессор и в себе, и в людях.

– На его месте мог быть кто-то другой, – снова прорезала мозг эта мысль. – Кстати, а почему именно он? Как мы распределяли добровольцев по клиникам?

Михаил соскочил с кровати и схватил свой дневник. Всё равно до четырёх часов утра ему не удастся снова заснуть. Селин перечитал всё внимательно до конца, но нужных сведений в дневнике не оказалось. Был только список медицинских учреждений и фамилии добровольцев, направленные туда. Но он точно помнил, что возникали целые дебаты, кого куда отправлять?

Профессор откинул в сторону дневник и вышел на балкон. Ночной город светил тысячами огней и, впервые за последнее время, Михаил обратил внимание на внешний мир.

– Боже! Как же красиво вокруг! – громко произнёс Селин, взмахнув руками.

– Не спится, Михаил Наумович, – неожиданно раздалось где-то сбоку.

Профессор вздрогнул и перегнулся через перила.

– А... Василий? – удивлённо спросил он. – А нас оказывается, и поселили почти рядом.

– А психиатров всех на один этаж поселили, – ответил Бугаев. – Напротив меня ещё один немец живёт. Отто Лернер. Может, слышали.

– Нет, – замотал головой Михаил. – А тебе-то чего не спится?

– Вышел покурить, – натянуто улыбнулся Василий. – Ещё немного волнуюсь перед завтрашним выступлением. Лернер – ведущий специалист в Германии. От его оценки может зависеть моя дальнейшая карьера. Я вообще, давно мечтал работать под его началом. Вам надо обязательно с ним познакомиться. Я в жизни встретил только двух великих психиатров. Это вы и он.

Селин улыбнулся. Ему было очень приятно, что бывший выпускник так хорошо о нём отозвался.

– Как он сказал, два великих психиатра, – подумал профессор, весьма польщённый. – А почему бы и нет? В своём городе, по крайней мере один из лучших. И, главное, сколько специалистов подготовил. И неплохих же специалистов.

Селин вскользь глянул на своего бывшего студента. Василий курил, опершись на перила, и смотрел не на собеседника, а куда-то вниз.

– Михаил Наумович, извините, но я вижу, что вас что-то беспокоит. У вас есть какие-то проблемы? Может, поделитесь. Может я вам чем-то смогу помочь.

– Нет у меня никаких проблем, – профессор аж вздрогнул от неожиданности. – С чего ты взял?

– Вижу. Нас психиатров очень трудно ввести в заблуждение. Мы хорошо понимаем чувства других людей, их душевную боль и страдания. Поделитесь со мной своей проблемой, и вам сразу же станет легче.

– Он действительно хороший психиатр, – подумал Селин. – Но стоит ли его посвящать в детали эксперимента.

– Как хотите, – обиженно протянул Василий после некоторой паузы и потушил окурочек в пепельнице. – Завтра увидимся. Спокойной ночи.

– Постой, – окрикнул его Михаил. – Тебе действительно хочется это услышать. Услышать, как профессор Селин, через которого прошла целая плеяда врачей и которого ты считаешь великим, опростоволосился, проведя один не очень сложный эксперимент.

– Я хочу только, чтобы вы поделились своей проблемой. Моё отношение к вам от этого не изменится.

– Тогда зайди в мой номер.

– Это, в принципе, и так было известно, – сделал вывод Бугаев, послушав рассказ Михаила. – Зачем нужно было проводить этот эксперимент? Тем более о подобном эксперименте я уже слышал. Вы не первый, кто засомневался в надёжности диагностики психических расстройств.

– Не помнишь, кто мог ещё проводить подобные эксперименты? – спросил Селин. – Ещё бы узнать результаты.

– Это всё легко проверить по Интернету.

– Точно, по Интернету. Как же я раньше не сообразил. Подскажи, что же мне теперь делать?

– Придется пожертвовать деньгами. Нехорошо оставлять здорового человека там. Его обязательно выпишут, но это займёт немало времени.

...Петришин ворочался до утра. Он иногда проваливался в дремоту, но крепко уснуть не смог. Перед его взором мелькало ехидное лицо профессора, злая физиономия санитаря, наивный детский взгляд Иры и встревоженное выражение Санькиного лица. Даже не встревоженное, а недоумённое. Щесняк, так же как и сам Вадим не понимал, что происходит.

– Вот и последний день наступил, – то ли с радостью, то ли с грустью подумал Петришин, глядя, как рассветает за окном. – Интересно, Селин приедет сегодня. Вчера его почему-то не было.

Ночной город, светящийся миллиардами огней.

Светофор,

фонарь,

свет в окнах домов.

И, конечно, двери, двери, двери.

На балконе шестого этажа два тёмных силуэта, беседующих о мироздании. Нет. Тема их беседы вполне прозаическая, но от этого не менее важная. Мерцающие окна домой передают привет за тысячу километров отсюда. Туда, где томится в безызвестности юноша, мучающийся от бессонницы.

Рассвет,

окно с массивной решёткой,

неудобная кровать

и белые однообразные стены. Но нет дверей. Ни одной. Представляете, здесь нет дверей. Есть люди, но двери отсутствуют.

Что же связывает юношу и пожилого мужчину, чей силуэт был виден полночи на балконе гостиницы? Какая между ними связь? Что связывает сотни дверей в гостинице и полное их отсутствие в психиатрической клинике? Как же тесно иногда переплетаются судьбы людей...

...И дверей.

Глава 3

Всё началось с того, что прибывшие на сессию студенты-третьекурсники в поисках решения финансовых проблем случайно наткнулись на объявление в газете.

Щесняк и Петришин, выросли в одном дворе и дружили с самого детства. Саша воспитывался одной матерью. Отца он никогда не видел и все попытки выяснить, кто он такой и где сейчас, наткнулись на волну непонимания со стороны матери. Вадим тоже был единственным ребёнком в семье. После его рождения врачи строго-настрого запретили его матери рожать во второй раз. Отец Вадима работал на заводе, а мать перебивалась временными заработками. После службы в армии, ребята твёрдо решили и дальше продолжать учёбу вместе и с первого раза поступили в Новосибирский государственный технический университет. Родители обоих были против. Ехать за тысячи километров учиться, если рядом есть куча подобных учебных заведений. У Вадима в Новосибирске жила тётка, одна в трёх комнатах, но та наотрез отказалась предоставить жильё молодым людям. Пришлось добиваться комнаты в общежитии. В этом году комендант общежития, согласно новым правилам проживания, потребовала оплатить за жильё на полгода вперёд. И перед друзьями встал очень сложный вопрос, где взять деньги, из-за которого они чуть не поссорились.

– И что мы теперь будем делать? – воскрешил Саша, нервно прохаживаясь по комнате. – Где мы возьмем деньги?

– Не нервничай так, – Вадим был очень спокоен. – Не первый раз попадаем в такую историю. Как-нибудь выкрутимся.

– Как выкрутимся, – еще больше переживал Щесняк. – Моя мать не даст денег, у нее их просто нет. Твои родители могут нам помочь?

– Нет, – ответил Петришин. – Отец купил машину, у них с финансами та же проблема.

– Как мне все надоело, – Саша не мог успокоиться. – Я должен учиться и работать. После учебы бежать на работу в ресторан и мыть посуду до полуночи. Ты думаешь, мне это легко! А сейчас я не заработаю столько денег, чтобы оплатить общежитие.

– Согласись, – большую часть своих денег ты тратишь на свою Людочку.

– Только не надо трогать мою девушку, – замахал руками Щесняк. – Ты мне просто завидуешь. У тебя же нет девушки.

Слова друга очень сильно задели Вадима. Действительно, на данный момент у него никого не было. Еще на первом курсе он встречался с одной блондинкой, которая оказалась ветряной и беспринципной. Петришин очень тяжело переживал после разлуки с ней и очень долго не мог ни с кем встречаться. На этот раз Вадим вспылал тоже.

– Ты хочешь сказать, что я не вношу свою долю на оплату жилья?

– Тебе помогают твои родители. А мне приходится все делать самому, – Саша понял, что перегнул палку. – Деньги надо внести сейчас, а я получу зарплату только через месяц. И что мы будем делать?

– Я попробую найти работу, – ответил Вадим. – Но сейчас надо поговорить с комендантом или даже с ректором университета, чтобы нам в качестве исключения перенесли оплату на конец года.

– Станут они тебя слушать, – махнул рукой Саша. – Им плевать, есть у тебя деньги или нет. Вон, какая очередь на комнату в общежитии. Выселят просто и все.

– Надо попробовать, иначе нам придется искать квартиру, но это может быть даже дороже.

Расстроенный Саша ничего на это не ответил. С грустью посмотрел на своего друга и достал сегодняшний номер газеты:

– Давай посмотрим. Может, я тоже себе найду более прибыльную работу.

В разделе «Требуется» никаких интересных вакансий не было, но спустя какое-то время на другой странице Саша нашел интересное объявление.

– Смотри, смотри, – крикнул он и стал пальцем тыкать в текст. – «Клинике Селина срочно требуются добровольцы обоих полов в возрасте 21—55 лет для медицинского эксперимента. Работа не связана с приемом медицинских препаратов. Срок проведения эксперимента два месяца. По окончании добровольцы получают вознаграждение в размере 500 долларов. Проведение эксперимента секретное, с добровольцами будут заключены соответствующие юридические документы с надлежащей страховкой и гарантиями».

– 500 долларов. Это же классные деньги, их как раз хватит заплатить за общагу, – воскликнул обрадованный Щесняк.

– Так ты хочешь стать добровольцем, – спросил недоумённо Вадим. – А как же учеба?

– Добровольцем пойдешь ты. У меня уже есть работа, – твердо решил Саша. – Насчет учебы не волнуйся, я тебя прикрою в деканате, скажу, что ты немножко приболел.

– Откуда я возьму справку о болезни, – пожал плечами Петришин. – Они что там все дураки в деканате.

– Так может этот Селин по окончании эксперимента выдаст тебе справку.

– Ерунда это все, – идея с участием в эксперименте не очень понравилась Вадиму. – Меня вряд ли возьмут участником.

– Слушай, я тебе предложил хорошую идею, а ты начинаешь отнекиваться. Я тебя не понимаю, попробовать можно же.

Саша снова стал нервно ходить по комнате:

– Твои родители помочь не могут, идти на работу ты не хочешь. Извини, я не понимаю тебя.

– Может быть найдется какая-нибудь другая работа. Идея с экспериментом мне не очень нравится, – Петришин стал заметно волноваться. – Что-то как-то это все необычно.

– Ты видишь, нет другой работы, – закричал Щесняк, схватил газету и стал нервно тереть ее в руках. – Ничего нет, никаких вакансий. Если ты хочешь, чтобы мы остались друзьями, то завтра же пойдешь на прием к этому Селину.

– Вот как ты ставишь вопрос? – обиженно пробурчал Вадим. – Значит ради денег, ты готов поставить на кон нашу дружбу. Пошел ты к черту я сам буду решать что мне делать. И ты мне не указ.

– Я всегда считал тебя своим другом, но сейчас ты поступаешь непорядочно По отношению ко мне. Саша заперся в туалете и не выходил оттуда длительное время.

Друзья поссорились но, это бывало нечасто. Видимо причина было очень серьезной. Чувствуя, свою вину перед Щесняком, Вадим понял, что ему следует вести себя немного корректнее, и поэтому на следующие утро он набрал номер телефона клиники Селина. На другом конце провода ему ответил милостивый женский голос.

– Я по объявлению, – сразу же заявил Петришин.

Женщина расспросила его о семейном положении, роде занятий, возрасте и назначила встречу на утро следующего дня. Вадиму было интересно, в чем же заключается этот эксперимент, но женщина не захотела отвечать на его вопросы и сказала, что все нюансы будут разрешены при завтрашней встрече.

– В какую-то аферу меня хотят вовлечь, – подумал Вадим и лег спать.

Спал Вадим очень беспокойно и все думал, что это за медицинский эксперимент и не повлечет ли он за собой нарушение его здоровья.

Клиника Селина находилась на другом конце города. Это было небольшое двухэтажное здание с несколькими комнатами. Еще при входе Вадим заметил надпись возле дверей: «частный психиатрический кабинет профессора Селина». Молодой человек постоял в нерешительности несколько минут, и уже было хотел ретироваться, но любопытство было сильнее и он,

хоть с большой опаской, но открыл двери. Петришин оказался в середине большого салона, из которого в разные стороны шли несколько оббитых деревом дверей.

– Петришин Вадим, – неожиданно раздалось из динамика. – Зайдите в кабинет номер два.

Парень очень волновался, и у него слегка дрожали колени. Кабинет номер два ничем не отличался от стандартного медицинского кабинета. Тот же стол, стул и кушетка для осмотра больного, но на стене Вадим заметил кое-что странное. Это были фотографии людей с неестественными выражениями лица и подозрительными позами.

Засмотревшись на эти фотографии, Вадим и не заметил, что находится в кабинете не один – за столом сидела невысокого роста девушка, чуть постарше его.

– Не волнуйтесь вы так, – сказала девушка, слегка улыбнувшись. – Эксперимент совсем несложный и не требует от вас никакой тяжелой физической работы. Но прежде чем вы станете добровольцем, мы должны провести необходимую предварительную работу.

– Симпатичная, – заметил про себя Вадим. – Такая милая.

И сразу же все его страхи вдруг куда-то улетучились.

– Меня зовут Ира, я врач-интерн и помогаю профессору проводить эксперимент. Садитесь, пожалуйста, на стул. Первое, что Вы должны сделать – это заполнить анкету. Только прошу вас, отвечайте на вопросы честно и ничего не утаивайте. Если окажется, что вы в чем-то схитрили или обманули нас, то вероятность того, что вы станете участвовать в эксперименте, будет равна нулю.

Девушка подала молодому человеку большой лист бумаги и ручку. Если вам что-нибудь будет непонятно, – добавила она. – Пожалуйста, обращайтесь, я вам помогу.

Ира встала из-за стола и подошла к небольшому книжному шкафу. Теперь Вадим мог хорошо разглядеть ее фигуру и грудь.

– Какая прелесть, – снова отвесил он комплимент девушке про себя. – В такую совсем недурно влюбиться.

Вопросы анкеты были стандартными, и Петришин отвечал на них быстро и легко. Единственный вопрос, который поставил его в тупик был о том, не страдал ли кто-то из родственников психическими расстройствами. На этот вопрос Вадим не мог точно ответить, потому что не знал своих родственников и никогда не интересовался ими. Он знал только своего дедушку и бабушку, да ещё тетку, живущую в Новосибирске. Петришин никогда не слышал о том, что кто-то из них страдал психическими расстройствами. Поэтому он решительно подчеркнул слово «нет» под этим вопросом. Ира, которая ходила по кабинету туда-сюда очень отвлекала молодого человека. Вадим не мог сосредоточиться, и когда девушка снова заняла свое место, он, вскинув глаза, смело спросил:

– Девушка, а вы замужем?

Вопрос молодого человека застал Иру врасплох.

– Вы бы не отвлекались на посторонние темы, – заметила она и пыталась жестами о чем-то намекнуть Вадиму.

Но тот не понял и продолжал расспрашивать:

– А жених есть у вас или любимый человек?

– Вадим, – строго ответила девушка. – Нам не положено разговаривать с кандидатами на посторонние темы и, поэтому я прошу вас не задавать мне никаких вопросов.

– Жаль, очень жаль, – смутившись, произнес Вадим. – А я так бы хотел с вами вечером сходить куда-нибудь.

Ира незаметно взяла лист бумаги и быстренько что-то написала на нём. Потом, уловив момент, она подсунула этот листок Петришину.

Что там было написано, одновременно, и радовало, и огорчало. Сорокина написала, что по условиям эксперимента все этапы его записывается на видео- и аудио-аппаратуру.

– Так вполне возможно, что за нами сейчас наблюдают, – подумал Вадим и ему стало как-то не по себе.

Ира, наоборот, вела себя очень спокойно и непринужденно.

Вторая часть послания была более радостной. Девушка написала свой номер телефона и попросила все личные вопросы решать подальше от этих стен.

– Так чем же заключается сущность эксперимента, – спросил Вадим, закончив писать.

Ира ничего не ответила, взяла анкету и попросила молодого человека расписаться под ней. Потом она сама поставила подпись и, попросив подождать, вышла из кабинета.

Вадим стал тихонько озираться по сторонам, его интересовало, где же находятся камеры? Но он ничего не увидел и стал снова разглядывать обстановку в кабинете. Его опять привлекли фотографии на стене. Петришин никогда раньше не сталкивался с психиатрией и психиатрами, и все происходящее было для него удивительным.

Сорокина вернулась довольно быстро, она улыбнулась и сказала:

– На сегодня наша встреча закончена. Мы проанализируем вашу анкету и, если вы нам подходите, как кандидат, вечером вам перезвонят.

Вадим чуть не проговорился. Он хотел воскликнуть:

– А зачем звонить! Может быть, мы все-таки вечером где-нибудь встретимся. Но вовремя опомнился, вспомнив о видеонаблюдении.

– Если вы нам подойдете, – продолжила далее Ира. – То завтра вам расскажут о сущности эксперимента и дальнейших действиях. А сейчас вы свободны.

Не мог, не мог Петришин ждать до следующего дня. Когда вечером ему перезвонили и пригласили на следующую встречу, то он позвонил Ире и пригласил её сходить с ним в кафе. На счастье Вадима, девушка согласилась, но попросила, чтобы встреча происходила в строжайшей тайне и была не очень длительной. Девушке тоже понравился молодой человек. Вадим был хорошо воспитан и внешне интеллигентен. Между людьми, как часто бывает, возникла взаимная симпатия. Любопытство Петришина не было удовлетворено. Все попытки Вадима узнать что-то новое об эксперименте, встречали молчаливый отпор со стороны Иры. Девушка даже пригрозила, что она будет встречаться с Вадимом только, если тот прекратит расспрашивать ее о работе.

– Завтра ты все узнаешь, – отвечала она. Ты пойми, что мне нельзя распространяться об этом раньше времени и не будь таким зажатым. Все будет нормально.

То, что Петришин полюбил девушку, он почувствовал уже этой ночью, когда долго не мог заснуть. Его уже стало меньше интересовать эксперимент, а больше отношения с Ирой.

Тротуар,

фонарь,

ступеньки,

пьянящий запах кофе.

Столик, за которым сидят двое.

Витрины магазинов и кафе.

И двери, двери, двери.

Большие красивые стеклянные двери, зазывающие посетителей и покупателей в гости.

Неоновые вывески, мерцающие разными огнями.

Тротуар, фонарь, ступеньки.

Те, что за столиком спокойно разговаривают друг с другом. Они неожиданно встретились и познакомились. Это двери не могут встретиться друг с другом, а вот люди...

Неоновые вывески на фасадах зданий,

окна,

ступеньки,

луна.

И двери, двери, двери.

Двери магазинов и кафе, через которые проходят тысячи людей.

Глава 4

На этот раз Вадима пригласили в кабинет номер один. Петришин пошел на эту встречу уже более спокойным, так как его должна было встретить Ира. Девушка проинструктировал юношу о том, как надо себя вести. Но в кабинете номер один Иры не было. Вместо нее за столом сидела средних лет женщина с химической завивкой на голове и накладными ресницами. Вадим растерялся, а женщина с интересом стал его рассматривать.

– Присаживайтесь, – предложила женщина. – И не волнуйтесь вы так. Меня зовут Елена. Фамилия Фурман. Я врач-психиатр и уже много лет работаю в клинике профессора Селина.

Вадим воспользовался предложением и сел на стул.

– Давайте немного побеседуем, мне интересно знать о вашей жизни, – врач встала из-за стола и остановилась немного сбоку от юноши. – Вы же приехали в наш город издалека?

– Из Воронежа, – ответил юноша.

– Да, уж не близкий свет, – покачала головой Фурман.

– А почему вы выбрали для учебы наш город? – задала очередной вопрос Елена. – У вас здесь живут родственники?

Вадим хотел ответить, что вчера все написал в анкете, но решил воздержаться от такой дерзости. Елена вызвала доверие, и от нее веяло душевной теплотой. Постепенно Петришин раскрепостился и стал отвечать на вопросы без всякого волнения.

Вопросы Фурман были стандартными и почти ничем не отличались от вопросов анкеты, которую он заполнил вчера. Но самое удивительное было то, что при каждом ответе Елена делала небольшую паузу, и что-то записывала в блокнот. Вадим мельком посмотрел на эти записи, но ничего не понял. Вместо привычных букв и слов там были какие-то цифры и математические знаки. Опрос длился почти целый час и немного утомил Петришина.

– Не кажется ли вам странным поведением вашей тетки, – психиатр задала вопрос, который в корне отличался от предыдущих. – Издалека приезжает ее племянник, а она не хочет предоставить ему жилье. Почему так?

– Я, я не знаю, – растерялся юноша. – Она не очень ладит с моими родителями.

– Это значит, – резюмировала Елена. – Что у неё очень недоброжелательный и скрытный характер. Как вы можете объяснить её поведение?

– Она всегда такой была, – Вадим неуверенно заерзал на стуле. – Помню, когда я был ребенком, она один раз приезжала к нам в гости. Это были похороны моего дяди. Я еще тогда заметил, что она не очень-то добра к моим родителям и едва-едва сдерживается, чтобы не поругаться с ними.

– Расскажите немножко подробнее о ней, – попросила Фурман.

– А что особо рассказывать, – пожал плечами Петришин. – Насколько я знаю, у нее никогда не было мужа и детей. Она постоянно была одна, хорошо зарабатывала и пользовалась авторитетом в обществе.

– Кем она работает?

– Она юридический советник при консульстве Германии.

– Неплохая должность для женщины, – с небольшой долей зависти проговорила Елена. – Значит, она всю свою жизнь посвятила работе, совсем не задумываясь о личной жизни.

– Выходит что так, – подтвердил Петришин.

– Я много знала подобных женщин, – призналась врач. – Но случай с вашей теткой меня немного настораживает. Знаете почему?

Вадим отрицательно покачал головой.

– Мы на сто процентов должны быть уверены, что родственники наших добровольцев не страдают никакими психическими расстройствами, – прямолинейно заявила Фурман и села

на свое место. – Но в случае с вашей теткой я не могу быть в этом уверена. Если вы мне докажете противоположное, то станете реальным кандидатом в участники.

– Вот так тетка Кристина, – подумал с сожалением Петришин. – Подвела ты меня. Теперь не видать этой работы.

Елена пронзительно посмотрела на молодого человека и отвлеченно проговорила:

– Ладно, расслабьтесь, не все так уж и страшно. Раз она занимает такую должность, то её психика в порядке. Прежде чем рассказать вам о целях и смысле нашего эксперимента, мне нужно получить от вас некоторые гарантии. Первое и самое главное, вы не должны никому рассказывать, что происходит в этих стенах. Абсолютно никому, ни друзьям, ни сокурсникам, даже любимой девушке. У вас же есть любимая девушка?

– Пока нет, – промолвил Вадим и слегка покраснел.

– Неважно, – махнула рукой Фурман. – Главное, чтобы вы держали язык за зубами. Это нужно для чистоты эксперимента. Вы обязуетесь, что ни при каких обстоятельствах не будете распространяться о проводимом нами эксперименте. Абсолютно ни о чем не будете рассказывать.

– Но ведь мой друг Саша знает, что я записался на этот эксперимент. Он знает, что клиника Селина проводит медицинский эксперимент.

– Это знают многие, – равнодушно сказала Елена. – Но большего твой друг знать не обязан. Если ты не согласен, то мы вынуждены будем с тобой попрощаться.

Это было сказано в таком тоне, что Петришин испугался и сразу же затараторил:

– Я согласен, согласен.

– Очень хорошо, – психиатр была довольна. – Теперь подпиши вот эту бумагу.

Вадим взял ручку, и уже было начал подписывать документ, но Елена остановила его.

– А, что, читать документ ты не будешь?

– Так... Я Вам доверяю, – замешкался юноша.

– Это неправильно, – назидательно сказала Фурман. – Я очень прошу тебя подписывать все документы, предварительно хорошо ознакомившись с ними.

Вадим утвердительно кивнул головой и стал читать. Через несколько минут он озадаченно спросил:

– Получается, что если кто-то из кандидатов проболтается, то никто денег за эксперимент не получит.

– Читайте внимательнее, не получит деньги только тот, из-за кого произошла утечка информации.

– А как же вы узнаете, кто он? – пожал плечами Вадим.

– За это вам не стоит волноваться. Главное, чтобы этим человеком не были вы. Еще есть какие-то вопросы. Задавайте их прямо сейчас перед подписанием. Потом может быть будет поздно.

Петришин еще раз пробежал глазами документ и уверенно поставил свою подпись.

– Продолжим, – удовлетворенно сказала Елена. – Я расскажу вам об эксперименте. Если до этого вы никогда не сталкивались ни с психиатрами, ни с психиатрией, то сейчас это самое время сделать. Как вы уже догадались, наш эксперимент связан именно с этой областью медицины. Несмотря на огромные успехи в лечении психиатрических расстройств, сама диагностика психиатрии находится в жалком состоянии. И, если вы станете кандидатом, то в скором времени убедитесь в этом. Профессор Селин Михаил Наумович, который долгие годы готовил специалистов-психиатров, хочет доказать это. В этом заключается суть эксперимента. Мы отбираем несколько человек, которые являются психически здоровыми. Я подчеркиваю, это очень важно для нас: кандидаты должны быть психически здоровыми. И для этого мы будем их очень тщательно проверять. Вторым этапом подготовки будет обучение их разным симптомам психических расстройств. По сути дела, мы научим их симулировать психические

заболевания. Никакого вреда для здоровья такая симуляция не представляет. После этого мы направляем добровольцев в разные психиатрические учреждения города. По нашему предположению, во всех этих медицинских учреждениях подтвердят поставленный нами «диагноз» и назначат лечение. Заключительным и самым тяжелым этапом эксперимента будет возвращение добровольцев из больниц. Для этого у нас предусмотрена целая схема с привлечением адвоката и подписью нескольких юридических документов. Если вы станете кандидатом, а для этого нам нужно будет убедиться, что вы психически здоровы, то в дальнейшем вы узнаете все подробности проводимого эксперимента.

Фурман сделала небольшую паузу, посмотрела на собеседника и продолжила:

– Я обязана это спросить, считаете ли вы себя психически здоровым человеком? Не спешите с ответом. Хорошо подумайте. Может у вас наблюдается частая смена настроения. Может вы думаете, что жизнь не удалась. Вас не покидает мысль о самоубийстве. Может у вас какие-нибудь «фобии», например боязнь закрытого пространства или вам страшно оставаться одним в пустой комнате. Может Вас беспокоит какие-нибудь сексуальные проблемы, неудовлетворенность своей сексуальной жизнью. Может быть, вы постоянно думаете, что находящиеся рядом с вами люди более успешны и счастливы. Вы завидуете кому-то и считаете, что на их месте должны быть вы. Вполне возможно, что вы излишне раздражительны, вспыльчивы. Может быть, вы очень долго таите обиду и перебираете у себя в мозгу разные способы отомстить обидчику. Не исключено, что вы малообщительны, теряетесь в незнакомых ситуациях, очень мнительны и нерешительны.

Психиатр встала из-за стола и начала прохаживаться по кабинету.

– Подумайте хорошо, от вашего ответа зависит...

В дверь кабинета неожиданно постучали.

– Зайдите, – раздражённо сказала Фурман, недовольная тем, что я перебили.

Радости Петришина не было предела. В кабинет зашла Ира. Она дежурно поздоровалась с Вадимом, и, подойдя ближе к Елене, что-то шепнула ей на ухо.

– Я уже заканчиваю, еще пару минут, – сказала Фурман и, посмотрев на Петришина, добавила. – Очень интересный молодой человек.

Ира кокетливо посмотрела на Вадима и загадочно улыбнулась.

– Продолжим, – психиатр села на свое место, после того как Сорокина вышла. – Уже следующий кандидат пришел, а нам надо еще подписать несколько бумаг.

С этими словами Елена подала молодому человеку еще один лист бумаги и ручку.

– Подписывая этот документ, вы утверждаете, что у вас нет никаких психических расстройств. Запомните, это очень важно. Если окажется, что вы нас обманули, то мы аннулируем Ваш договор и не выплатим причитающуюся сумму. Вы готовы подписать этот документ.

Тень сомнения возникла на лице Вадима. Он никогда не считал себя психически ненормальным, но наводящие вопросы Фурман сбили его с толку.

Врач улыбнулась.

– Я понимаю ваши сомнения, – сказала она. – Не один адекватный человек не может стопроцентно гарантировать, что он психически здоровый. Это и есть признак уравновешенности вашей психики. Я рекомендую вам подписать данный документ. Позже мы все равно проверим вас на наличие психических отклонений.

Вадим послушался совета и подписал бумагу. Следующий предложенный для подписи документ, он подписал не задумываясь. Это было заявление, в котором Вадим соглашался стать участником эксперимента, с вытекающими отсюда последствиями.

– Вот и хорошо, – удовлетворённо проговорила врач. – Если вы нам подходите, то вечером ждите звонка. А если нет. – Елена вдохнула. – Тогда больше не приходите сюда.

Петришин совсем не сомневался, что его пригласят в центр снова. Он хотел вечером позвонить Ире, но та неожиданно опередила его.

– Поздравляю тебя, – радостно воскликнула она. Завтра к десяти часам приходи. Я сама напросилась, чтобы сообщить тебе эту новость.

– Давай встретимся, – предложил Вадим.

– Давай, – согласилась девушка. – Вчера мне очень понравилось.

Ира была одета в красивое малинового цвета платье и своей одеждой, и всем своим видом показывала, что она готова и дальше покорять сердце юноши. Уединившись в отдельной кабинке уютного и недорогого кафе «Эклер» молодые люди продолжили разговор.

– А ты понравился Фурман, – улыбнулась девушка. – Это очень хорошо. Обычно она очень настороженно относится к незнакомым людям. Я думаю, что ты будешь участником эксперимента.

– А что дальше? Что будет завтра? – спросил Вадим.

– Разве Фурман тебе ничего не рассказала, – удивилась Ира. – Теперь тебя несколько дней будут проверять на отсутствие каких-либо психических отклонений. Это очень важная часть, поэтому я рекомендую тебе сегодня пораньше лечь спать и хорошо выспаться.

– И в чем будет заключаться эти проверки? – по интонации голоса Вадима было видно, что он немного взволнован.

– Ты такой паникер, – засмеялась девушка. – Ничего страшного не произойдет. Тебе просто будут давать тесты, на которые ты должен будешь отвечать. Тесты самые разные, так что скучно тебе не будет. Постарайся, с тестами не мудрить, отвечай первое, что придет тебе в голову, особо не задумываясь над смыслом вопросов. Кстати, завтра ты познакомишься с Селиным. Он и Фурман будут тестировать тебя по очереди.

– Расскажи мне немного о профессоре. Что он собой представляет? – попросил Петришин.

– Это один из лучших психиатров в городе, преподает в нашем университете. Я очень рада, что он меня выбрал для прохождения практики. Это, во-первых, большая часть, а во-вторых, возможность немного поучиться у него.

– Ты, видимо, одна из его лучших учениц или может быть есть другая причина того, что он выбрал тебя.

Ира надула губки и ультимативно заметила:

– Если ты будешь двусмысленно выражаться, то нашей дружбе придет конец. Я понимаю все твои намеки, и прямо тебе в глаза могут сказать, что никаких интимных отношений с профессором у меня нет. Ты удовлетворён?

Вадим был слегка растерян, ничего такого он не имел в виду. Но, к счастью, девушка недолго злилась. Она иронично посмотрела на юношу и засмеялась:

– Какой же ты глупый? Профессору почти семьдесят. Он и в молодости не сильно бегал за женщинами, а весь был зациклен на медицине.

– Извини, я ничего такого... Я не хотел тебя обидеть, – затараторил, сбиваясь Петришин. – Какой же я идиот, ведь у профессора наверняка есть жена и дети.

– Его жена умерла десять лет назад. Двое сыновей тоже стали психиатрами. Один уехал в Москву. И там чуть не загремел за решетку за садистское отношение к больным. Профессор с ним не общается и не признает. А младший укатил на Дальний Восток и, насколько я знаю, по специальности не работает.

– А ты неплохо осведомлена о личной жизни профессора, – Вадим снова мог навлечь гнев своей спутницы.

Но девушка отреагировала спокойно.

– Это Елена, Она иногда становится такой болтушкой, что может часами рассказывать что-то, не замолкая.

– И о своих отношениях с профессором она тоже рассказывает?

– А какие у них могут быть отношения? Сугубо деловые. А я вижу, у тебя какой-то есть пунктик сексуальный. Прав был дедушка Фрейд, кому чего-то в жизни не хватает, тот об этом говорит. Наверное, у тебя давно не было женщины. Или, может, ты девственник?

Девушка громко рассмеялась так, что Петришин аж покраснел.

– Черт меня дернул задавать такие глупые вопросы, – корил он себя.

Парень растерялся, не зная, как продолжить разговор. Он немного обиделся на девушку, но всем своим видом не хотел этого показывать. Ира взяла его за руку и немного потрясла ее.

– Ладно, не обижайся, – сказала она примирительным тоном. – Я тоже иногда бываю такой глупой. У Лены есть семья. Муж ее тоже врач. Если я не ошибаюсь, педиатр. У нее двое детей. Старший в армии, а младший учится в выпускном классе. Она, так как и я, была учеником профессора. Но это было уже очень давно. Когда профессор открыл свой кабинет, он пригласил Фурман работать у него. На самом деле она очень хороший специалист. И вообще, я тебе очень много рассказываю лишнего. Участнику эксперимента, это абсолютно не положено знать.

– Я ведь необычный участник, – расхрабрился Петришин.

– Что ты говоришь? – всплеснула руками Сорокина. – И что ж такого в тебе особенного? Что ты пользуешься своим обаянием, решил охмурить меня и узнать больше, чем должен знать любой другой участник.

– В моих действиях нет никакой выгоды, – честно признался Вадим. – Просто ты мне понравилась. И точно так же, я начал за тобой ухаживать, если бы мы встретились при других обстоятельствах. Я говорю правду, поверь мне.

Их глаза встретились, и девушка поняла, что юноша ее не обманывает.

– Мне Фурман рассказала про эксперимент. Но я так до конца не понял, в чем же он заключается? – продолжил разговор Вадим.

– А что тут понимать? Проблема в том, что невозможно точно диагностировать психические отклонения.

– И как это Селину пришла в голову такая мысль?

– Эта мысль витает уже давно в головах многих психиатров. Даже я согласна с ним.

– То есть получается, что вы не можете с точностью определить кто здоровый, а кто больной?

– Именно так, – девушка немного замешкалась. – Со мной в одной группе учился парень Сергей. С первого курса он начал ухаживать за мной. Мы полюбили друг друга. Он был неплохим, но я иногда замечала странности в его поведении. Эти странности возрастали по мере того, как мы более детально стали изучать свою специальность. У меня возникли серьезные подозрения, что Сергей не совсем психически нормальный. У него были частые перепады настроения, он обижался по всяким мелочам, был скрытен и очень подозрителен. В разговоре он часто перепрыгивал с темы на тему, не доводил свою мысль до логического конца и много беспричинно фантазировал. Честно признаться, я очень любила его и не верила, что будущий психиатр может иметь какие-то проблемы с психикой. Но на четвертом курсе я поняла все. Он пригласил меня к себе в гости, когда его родители были в отпуске. Я очень часто бывала у него дома и, чего греха таить, оставалась на ночь. Но в этот раз что-то пошло не так. Я не помню из-за чего, но мы серьезно поругались. Я не пожелала оставаться с ним на ночь. То, что произошло дальше, мне больно вспоминать. Он вдруг расплакался и просил не покидать его. В этом не было ничего удивительного. Удивительно было потом. Он не дал мне покинуть его квартиру, он угрожал, просил, уговаривал не оставлять его одного. «Что с тобой происходит? – воскликнула я. – Ты немножко остынешь, я пересмотрю свое поведение. Через пару дней снова будем встречаться. Мы же не первый раз с тобой ругаемся». Он ответил: «Если ты сейчас меня оставишь одного, то я не доживу до утра». «Ты сумасшедший!». Я так и сказала ему: «Ты сумасшедший! Что же такого страшного произошло?». И тут у него началась истерика. Он кричал,

что не может оставаться в квартире один длительное время, так как за ним приходят странно одетые люди и хотят его забрать с собой. Я поняла, что это была одна из форм шизофрении. Я могла точно поставить ему диагноз. Это было параноидная шизофрения, очень распространенная форма болезни. У него она не началась сразу, а протекала постепенно и достигла максимальной выраженности спустя несколько лет после начала заболевания. Он уже был болен на первом курсе, но это было еще не так заметно. На четвертом курсе он уже был серьезно болен, у него начались галлюцинации преследования. Ведь странно одетые люди, он еще называл их веземным разумом, были только в его голове. Я испугалась и не осталась с ним, мне удалось вырваться и, в течение нескольких месяцев, я избегала встречи с ним. Представляешь, как мне тяжело было это делать, ведь мы учились с ним в одной группе. А потом он куда-то исчез и, спустя месяц, я узнала от однокурсников, что его поместили в психиатрическую больницу. Мне уже тогда было удивительно, как может психически нездоровый человек стать психиатром. Почему его приняли на учебу, не проверив это?

– Тогда, если следовать твоей логике, то человек с большими зубами никогда не может стать стоматологом, – перебил свою спутницу Вадим.

– Но ведь это совсем разные вещи, разве ты не понимаешь, – возмутилась Ира. – Больные зубы не доставляют проблем и неудобств окружающим и их можно легко вылечить, а вот душу... Мне до сих пор больно вспоминать наши взаимоотношения. Какая же я была дура, что любила его.

– А где он сейчас?

– Я его с тех пор не видела. Парень, который с ним дружил, рассказал, что его семья переехала в другой город, так как им было очень стыдно перед многочисленными родственниками, живущими здесь.

– От чего возникает эта болезнь? – заинтересованно спросил Петришин.

– Если ты станешь участником эксперимента, то профессор тебе прочитает краткую лекцию о психиатрии, и ты будешь знать абсолютно все. Точные причины возникновения большинства психических расстройств никто не знает. В этой области еще очень много пробелов. Поэтому я поддерживаю Селина в том, что он решился провести этот эксперимент.

– Неужели никому раньше не пришла в голову эта мысль, – удивился Вадим.

– Мне кажется, что подобные эксперименты уже проводились, – кивнула головой Сорокина. – А вообще не мешало бы это проверить.

Когда молодые люди выпили по чашечке кофе со сладкой выпечкой, Ира поблагодарила парня и сказала ему:

– Тебе пора. Завтра у тебя будет очень тяжелый день.

– Посидим еще полчаса, мне с тобой так хорошо, – признался Петришин.

– Ты так похож на Сергея, – заметила Сорокина. – Может это и неправильно сравнивать своего бывшего и нынешнего, но, честное слово, я когда первый раз тебя увидела, думала, что это он.

– Большое спасибо тебе за комплимент, – обиженно протянул Вадим. – Может быть, я тоже страдаю каким-нибудь психическим расстройством.

– Не обижайся, честное слово, у него, правда, были рыжие волосы, но прическа точно такая же. И голос у тебя похож, и походка, и даже форма носа и губ такая же. Я не имела в виду ничего больше.

Парень обиделся, но казалась, девушка этого не замечала.

– Хотя тебе придется на два месяца стать психбольным, – продолжала она далее. – Ты не боишься этого?

– Нет, – хмуро ответил Вадим и попросил у официанта счёт.

Теперь только девушка заметила, что Вадим стал грустным и печальным.

– Если ты не перестанешь обижаться из-за всякой ерунды, то я перестану с тобой встречаться, – пригрозила она.

– Ладно, – махнул рукой раздосадованный Петришин. – Мне кажется, что я влюбился в тебя.

Ира улыбнулась и, погладив парня по голове, сказала:

– Иди, отсыпайся и не думай пока ни о чем, кроме эксперимента. Я очень хочу, чтобы ты стал его участником.

...Наспех позавтракав, Селин пошел на заседание врачей-психиатров. Он равнодушно слушал доклады, и даже выступление его ученика не заинтересовало. «Применение ультразвуковых волн при лечении эпилепсии». Боже мой, какая чушь! Вот он провел эксперимент, который может быть войдет в анналы истории, а все остальное это мелочи. Если бы не этот прокол с Витом и Петришиным, уже вполне можно было поделиться результатами со своими коллегами. Он, кстати, познакомился с этим Отто, светилом немецкой психиатрии. И даже успел немного поговорить с ним. Довольно умный и толковый психиатр. Если бы его мысли не были заняты экспериментом, он побеседовал бы со своим коллегой еще. Но сейчас его ничего не волновало, ему нужно было срочно решать, что делать с оставшимися двумя участниками эксперимента. И, если насчет Вита он уже все решил, то с Петришиным было не все так гладко. Заседание закончилось как раз перед обедом. Но профессору кусок в горло не лез, и поэтому он сразу же закрылся в своем номере и залез в мобильный Интернет. Он хотел проверить слова Бугаева о том, что подобные эксперименты уже проводились за границей. Так и есть. Эксперимент Розенхана, проведенный в 1973 году в пяти Штатах США. Там двенадцать псевдобольных симулировали непродолжительные слуховые галлюцинации. И всем им было назначено лечение антипсихотическими препаратами. Псевдопациенты находились в различных психиатрических учреждениях несколько месяцев. После того, как они признали себя больными и согласились принимать назначенные им препараты, их выписали.

– 73 год, – подумал Селин. – Значит, я не первооткрыватель и до меня уже о несовершенстве диагностики задумывались другие, хотя за это время ничего не изменилось. Хотя и были разработаны более точные методы. Но ведь я не повторил этот эксперимент, а придумал свой.

Еще больше разочарование испытал профессор, когда узнал и о других подобных интересных экспериментах. Морис Темерлин предлагал двадцати пяти психиатрам, разделенным на две группы прослушать речь одного актера. Первой группе сообщили, что у актёра некоторые проблемы с психикой, а другой группе этого не сообщили. 60% психиатров в первой группе поставили актеру диагноз «психоз». Во второй, контрольной группе, такого диагноза никто не поставил, и признали актера психически здоровым.

В 2008 году посвящённая науке программа ВВС «Horizon» выбрала десять человек, у пяти из которых были диагностированы некоторые психические отклонения, а пятеро были здоровы. Все десять человек были обследованы тремя специалистами по психиатрической диагностике. Всего лишь двум пациентам из десяти эксперты поставили правильный диагноз, одному – неправильный и ошибочно сочли двух здоровых людей психически больными.

Еще один подобный эксперимент проводился в 2009—2010 году в Нидерландах. Отличие было только в том, что врачей клиник предупреждали, что к ним могут явиться на прием псевдопациенты, которые были оснащены видеокамерами и микрофонами, передающие информацию в реальном времени.

– Почему же я раньше этого не проверил? – проговорил Михаил. – Хотел заново изобрести велосипед. Хотя мой эксперимент и отличается от других.

Профессор тут же набрал номер телефона Фурман. Селин даже не поздоровался, а сразу же возмущенно проговорил в трубку:

– Лена, Вы же знали про эксперимент Розенхана и подобные. Не может быть, чтобы вы не знали. Почему же тогда не рассказали мне о них?

– Михаил Наумович, во-первых, здравствуйте, – спокойно ответила Фурман. – Поверить не могу, что вы о них ничего не знали. Я думала, что, именно, подобные эксперименты подтолкнули вас на создание своего собственного.

Селин растерялся.

– Я... Я, действительно, ничего об них не знал. Боже мой, как мне стыдно. Психиатр, имеющий такой большой опыт, воспитавший не одно поколение врачей и преподаватель психиатрии... Как же так?

– Вы очень взволнованны, – проговорила трубка. – У вас что-то случилось. Как проходит конференция?

– Дурацкая конференция, – закричал профессор. – Я должен быть там, рядом с вами, должен решать вопрос о дальнейшей судьбе Петришина! А я тут, как на каторге, ничего не могу сделать.

– Не волнуйтесь вы так, – успокоила Селина Фурман. – Завтра вы приедете, и мы все решим. Не стоит так переживать. Один-два дня все равно ничего не решат. Не будет же Вадим подавать в суд за несколько просроченных дней.

– Я приеду только завтра вечером. Вы бы заглянули в «Август», узнали, как там дела?

– Я без вас там все равно ничего не решу, – ответила Лена. – А лишний раз там мусолить глаза не хочется. Приедете, и мы будем конкретно заниматься этой проблемой. А пока отдыхайте.

...После завтрака всех выгнали на прогулку. Погода в этот день была очень хорошая и теплая. Вадим сразу же занял свое любимое место под навесом и стал играть в шахматы с Евдокимовым. Но игра у Петришина не пошла, он был рассеян и постоянно терял фигуры. Он очень быстро проиграл две партии подряд и уступил место другому игроку. Вадим все надеялся, что сейчас его вызовут в кабинет главврача, где будет уже находиться Селин и Фурман. Ему скажут, что он может собираться домой. Однако пролетали секунды, минуты, часы, но никто не приходил. Наступило время обеда, и Вадим стал серьезно волноваться. На прогулке он видел Вита, но тот был почему-то очень спокоен и хладнокровен. После обеда Петришин зашел к нему в палату.

– Чего тебе? – недружелюбно спросил его Виктор. – По правилам в чужую палату заходить запрещено.

– К черту правила, – зло процедил Вадим. – Ты же знаешь, что сегодня последний день выписки. Почему же за нами никто не приехал?

– А, что ты хочешь от меня, – равнодушно зевнул Вит. – Мне и здесь неплохо.

– И ты не хочешь вернуться к своей семье и работе, – удивился Петришин.

– Сейчас уже нет, – Виктор изобразил печальное лицо. – Моя невеста поверила в то, что я психически больной и разорвала со мной отношения.

– Как же так! – воскликнул Вадим. – Ты разве не мог объяснить нормально, что ты всего лишь участник эксперимента и абсолютно здоров. Ведь Селин проверил тебя.

– Тебе-то какое дело до этого, – процедил сквозь зубы Виктор. – Иди отсюда. Ты мне мешаешь спать.

Петришин неопределенно пожал плечами и вернулся в свою палату.

– Странный он какой-то стал, – рассуждал про себя Петришин. – Вроде вначале был нормальным, а сейчас что-то на него нашло.

Перемены, произошедшие с Витом, были видны даже невооруженным и не профессиональным взглядом. Неужели на него так подействовала обстановка психиатрической больницы.

После обеда был так называемый «тихий час». Больные разбрелись по своим палатам и ложились спать. Петришин очень редко спал в дневное время, но сейчас у него слиплись глаза, и он задремал. Видимо, сказались последние несколько бессонных ночей.

Вечером тоже никто за ним не пришел и Вадим в панике позвонил Ире. Телефон давал длинные гудки, но Ира трубку не подняла. Вадим позвонил второй раз, потом еще, но результата не было.

Юноша окончательно разнервничался, бросился в сестринскую и попросил приема своего лечащего врача.

Одна из медсестер спросила другую:

– Таня, а Гордеев еще здесь?

– Нет, ушел минут десять назад, – был ответ.

– Тогда мне нужно поговорить с главврачом, – не унимался Вадим.

– Успокойтесь, больной, – приказала медсестра. – Иначе мы сейчас позовем санитаров. – Главврач не принимает больных по личным вопросам. Только родственников больных. Так что идите и не морочьте нам голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.